

§ 4 ЗАКОН И ПРАВОПОРЯДОК

Полукаров А.В.

ПРОБЛЕМЫ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАКТИКИ НАЗНАЧЕНИЯ ШТРАФОВ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Аннотация: Предметом статьи являются проблемы правового и организационного характера, связанные с применением штрафов за коррупционные преступления в социальной сфере. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как совершенствование практики назначения наказания в виде штрафа за коррупционные преступления в Российской Федерации. Детально анализируется практика применения данных наказаний за последние годы. В статье сделан вывод, что практика назначения наказаний за коррупционные преступления – в том числе и за коррупционные преступления в социальной сфере – постоянно изменялась, что неразрывно связано с постоянным реформированием уголовного права в части наказаний по коррупционным составам УК РФ. Кроме того, в статье проводится судебной практике и практике службы судебных приставов имеющей место в рассматриваемой сфере. Методологическую основу статьи составили современные достижения теории познания. В процессе исследования применялись общеправовые, теоретические, общеправовые методы (диалектика, системный метод, анализ, синтез, аналогия, дедукция, наблюдение, моделирование), традиционно правовые методы (формально-логический), а также методы, используемые в конкретно-социологических исследованиях (статистические, экспертные оценки и др.). Основным вкладом, который сделан автором в настоящей статье это то, что в настоящее время необходимо совершенствовать практику назначения наказаний за коррупционные преступления в виде штрафа. В ходе проделанной работы был сделан вывод, что систематическое применение лишения свободы в качестве уголовного наказания за коррупционные преступления не является желательным – по различным, в том числе и экономическим, причинам – то угроза систематической замены неисполненного – и наиболее популярного на сегодняшний день наказания за данные преступления – штрафа, может стать действенным средством в борьбе с «несобираемостью» последних.

Ключевые слова: Штраф, ответственность, сфера, социальная, коррупция, преступление, преступность, совершенствование, проблема, исполнение.

Abstract: The subject of this research is the issues of the legal and organizational nature associated with implementation of fines for corruption crimes in social sphere. The author carefully examines such aspects of the topic as improvements to the practice of application of these measures over the recent years. A conclusion is made that the practice of issuing fines for corruption (including corruption crimes in the social sphere) are always undergoing change, which is closely tied to the constant reforms in the criminal law with regards to corruption crimes. The author's contribution into the research of this topic is the discovery of the need to improve the practice of assignment of punishments for corruption crimes in form of fines. The author concludes that the systemic application of imprisonment as form of punishment for corruption crimes is not ideal due to various reasons, including economic, the threat of a systematic replace of the unimplemented and most popular method of punishment for such crimes – fines, can become an effective means in the fight against the “uncollectability” of the latter.

Keywords: Execution, problem, improvement, criminality, crime, corruption, social, sphere, responsibility, fine .

Вопросы назначения наказаний за коррупционные преступления в последнее время стали не только объектом теоретических научных исследований в сфере уголовного права [1], но и проблемой уголовно-правовой практики [2], о чем свидетельствуют даже выступления некоторых политических деятелей [3].

Рассмотрим проблемы применения различных санкций за коррупционные преступления в социальной сфере, а также отдельные средства и меры совершенствования практики назначения наказаний за данные преступления в зависимости от вида применяемого за коррупционные составы УК РФ наказания.

Вопрос размера штрафов стал в недавнее время одним из основных и проблемных в практике назначения наказаний за коррупционные преступления. Действительно, в науке уже не раз обращалось внимание на чрезмерность размера штрафов, налагаемых на лиц осужденных по коррупционным составам УК РФ, которое является по словам отдельных авторов причиной низкого процента, как добровольной уплаты штрафа осужденным, так и его принудительного взыскания с помощью органов исполнения наказаний [4]. Низкий процент взыскания штрафов, назначенных судом в качестве наказания за коррупционные преступления по уголовным составам УК РФ, а также за административные правонарушения коррупционной направленности, совершаемые юридическими лицами, стал неоднократным объектом исследования в науке уголовного и административного права [5] и нередко освещался как проблема неотвратимости наказаний за коррупционные преступления, так как низкий процент исполнения судебных решений, налагающих на коррупционеров в качестве наказания штраф, создают впечатление безнаказанности у осужденных по данной категории дел, что негативно отражается и на борьбе с коррупцией в целом.

Низкий процент взыскания штрафов за коррупционные преступления стал объектом исследования Федеральной Службы Судебных Приставов Российской Федерации (далее – ФССП). Действительно, в соответствии с Информационным письмом ФССП от 22 июля 2013 г. «О взыскании штрафов, назначенных судом в качестве наказания за коррупционные преступления и за административные нарушения коррупционной направленности» [6] ситуация с «собираемостью» штрафов назначенных по данной категории дел явно неудовлетворительна, что по всей видимости связано с невозможностью осужденных выплатить суммы вмененные им в качестве наказания в виде штрафов за совершение коррупционных преступлений.

Если по последним статистическим данным ФССП ситуация с собираемостью штрафов по данной категории дел, на первый взгляд, несколько улучшилась – по крайней мере в количественном выражении исполнительных производств –, то статистические данные все же далеки от удовлетворительных. Так, из 1404 исполнительных производств в отношении коррупционных преступлений, находящихся на производстве ФССП в 2012 г., более 500 (522) было закрыто ввиду фактического исполнения, т.е. добровольной уплаты штрафа самим осужденным. В тоже время, если обратиться к данным в денежном выражении, то ситуация выглядит несколько иначе. Так,

фактическим исполнением по данной категории было добровольно уплачено штрафов лишь на сумму 151 млн. рублей, тогда как в общей сложности на исполнении находилось производств о взыскании штрафов, назначенных судом в качестве наказания за коррупционные преступления, на сумму свыше 2 млрд. руб. Иначе говоря, если в общей сложности посредством фактического исполнения было закрыто около трети (37 процентов) всех исполнительных производств по данной категории дел, то в суммарном (денежном) выражении фактическое исполнение позволило взыскать менее десятой части (7,55 процента) сумм вмененных в общей сложности в качестве штрафа совокупности лиц осужденных по данной категории дел. Таким образом, несмотря на более или менее удовлетворительные показатели успешного фактического исполнения в общем количестве исполнительных производств, «собираемость» штрафов в денежном выражении далека от удовлетворительной.

«Несобираемостью» штрафов, назначенных в качестве наказания по данной категории дел, объясняется и нередкая замена штрафа другим видом наказания, а также назначение штрафа ниже низшего предела (ст. 64 УК РФ). Действительно, статистика Судебного департамента Верховного суда Российской Федерации свидетельствует о том, что количество штрафов назначенных по данной категории дел с применением ст. 64 УК РФ довольно велико 1 478, т.е. около 23 % от общего числа назначенных штрафов (6370) по данной категории дел. Более того, более трети (3682) от общего количества (10784) осужденных по коррупционным составам, наказание было назначено ниже низшего предела, что подтверждает сделанные на основе статистики по взысканию штрафов выводы – суровость наказания не является залогом их эффективности.

Указанные в статистике показатели также свидетельствуют и о том что фактическим исполнением были прекращены производства по делам, в которых штрафы (в денежном выражении) были незначительными, тогда как значительные в денежном выражении штрафы так и не были ни добровольно уплачены, ни взысканы принудительно. Таким образом, собираемость штрафов за коррупционные преступления – и в первую очередь значительных в денежном выражении штрафов – невысока, а их эффективность сомнительна и требует серьезной корректировки. В тоже время, мы знаем, что размеры штрафов вменяемых коррупционерам социальной сферы менее значительны, чем размеры штрафов, вменяемых коррупционерам других сфер государственной службы, что свидетельствует о незначительной, но все же лучшей, собираемости штрафов с коррупционеров социальной сферы.

Ситуация не отличается и в случае с административно-правовой ответственностью юридических лиц за коррупционные преступления (19.28 КоАП). Так, общая сумма штрафов наложенных на юридических лиц за незаконное вознаграждение от имени юридического лица составила 334 миллиона 720 тысяч руб., тогда как из них взыскано принудительно или уплачено добровольно лишь 88 миллионов 700 тысяч руб. Иначе говоря, собираемость штрафов по данной категории дел в денежном выражении не превышает 26,5 процента. В тоже время она все же лучше той которую мы наблюдаем в случае с собираемостью штрафов с физических лиц, вмененных им в качестве наказания по аналогичной категории дел в рамках уголовного процесса.

Средний размер штрафа вменяемого юридическим лицам за незаконное вознаграждение от имени юридического лица составляет 1 109 102,56 рубля в том что касается штрафов вмененных по составу ч. 1 ст. 19.28 КоАП (незаконное вознаграждение от имени юридического лица), и 20 212 500 рублей в том что касается штрафов вмененных по ч. 2 ст. 19.28 (незаконное вознаграждение от имени юридического лица в крупном размере). Причем стоит отметить, – как это не покажется странным – что собираемость наиболее крупных штрафов (по ст. 19.28 КоАП) является более эффективной, так как она составляет 37,1 процента от общего числа назначенных штрафов, тогда как собираемость штрафов вмененных по ч. 1 ст. 19.28 КоАП падает до 16,5 процентов.

Стоит отметить, что размеры штрафов вменяемых юридическим лицам за коррупционные преступления в разы превышают размеры штрафов вменяемых физическим лицам, что еще более очевидно в сравнении со штрафами, назначенными коррупционерам социальной сферы. Так, за отсутствием статистики по размеру штрафов, вменяемых физическим лицам за коррупционные преступления в рамках уголовных процессов, но располагая в тоже время данными о том, что средний размер взяток на 2013 г. колеблется в размере от 500 рублей до 10 000 рублей, штраф назначенный, например, в качестве основного наказания по составу закрепленному ч. 3 ст. 291 – наибольшее количество коррупционных дел рассматривается именно в рамках данного положения УК РФ – не может превышать шестидесятикратного размера – т.е. 600 000 руб. Несмотря на то, что размеры штрафов вменяемых физическим лицам значительно ниже размеров штрафов вменяемых юридическим лицами они остаются непосильными для граждан о чем свидетельствует – по мнению большинства авторов – более низкая собираемость штрафов именно с физических

лиц. В тоже время стоит отметить, что штрафы за коррупционные преступления в зарубежных странах – из расчета штрафа по отношению к зарплате осужденного коррупционера – ничуть не меньше, а то и больше чем в России [7]. Как следствие, если низкая собираемость высоких штрафов с физических лиц за коррупционные преступления и связана с их размером [8], то зарубежные примеры заставляют нас задуматься о том, что это не единственный фактор неэффективности данного уголовного наказания за коррупционные преступления.

В науке и на практике – помимо понижения размера штрафов за коррупционные преступления [9] – предлагался ряд мер по совершенствованию практики уплаты штрафов как в уголовном, так и административном праве. Так, например, ФССП в рамках деятельности по совершенствованию законодательства предлагала увеличить срок, предусмотренный Уголовно-исполнительным Кодексом РФ, для добровольного исполнения физическим лицом посредством уплаты штрафа, а также конкретизировать полномочия судебного пристава-исполнителя при розыске лиц, уклоняющихся от исполнения приговора суда о взыскании штрафа по данной категории дел.

В последнее время совершенствование законодательства шло именно в данном направлении. Так, например, законопроектом Президента России 28 ноября 2014 г. № Пр-2768 были представлены соответствующие изменения, предусматривающие, соответственно, понижение кратных размеров штрафа за коррупционные преступления; увеличение сроков исполнения наказания в виде штрафа до 90 дней (ст. 31 УИК РФ); а также установление дополнительных мер по обеспечению наказания в виде штрафа с участием судебных приставов-исполнителей (ст. 230 УПК РФ). Данные реформы, очевидным образом направленные на улучшение собираемости штрафов с осужденных коррупционеров, были имплементированы в законодательство недавно, что как следствие не позволяет на настоящий момент оценить влияние данных нововведений на эффективность собираемости штрафов, назначенных в виде наказания за коррупционные преступления.

На наш взгляд также стоит задуматься и о создании возможности замены штрафа вмененного осужденному в качестве дополнительного наказания в случае его неуплаты. Действительно, сегодня, как мы отметили, такая замена довольно часто используется именно в связи с неуплатой штрафа вмененного осужденным по коррупционным преступлениям в качестве основного наказания. В тоже время такая замена невозможна в случаях когда штраф наложен

в качестве дополнительного наказания (п. 5 ст. 46 УК РФ) за коррупционные преступления, что следует, на наш взгляд, откорректировать. Замена в таких случаях может быть осуществлена, например, исправительными или обязательными работами.

Отсутствие возможности замены штрафа вменного коррупционеру в качестве дополнительного наказания создает впечатление безнаказанности и возможности его не уплачивать, так как в отсутствии принудительного исполнения (взыскания) данного дополнительного наказания, коррупционер убежден, что он останется ненаказанным. Иначе говоря, перспектива возможности замены штрафа, вмененного в качестве дополнительного наказания за коррупционные преступления, сократит, на наш взгляд, впечатлительность ненаказуемости у осужденного в случае неуплаты штрафа. Как следствие, введение возможности замены штрафа, вмененного за коррупционные преступления в качестве дополнительного наказания, может стать неплохим профилактическим средством, предостерегающим осужденного от неуплаты вмененного ему в качестве дополнительного наказания штрафа.

В науке также обращается внимание и на необходимость совершенствования применения штрафа в качестве основного наказания за коррупционные преступления посредством их систематической замены наказанием в виде лишения свободы [10]. Действительно, угроза систематической замены реальным (а не условным) лишением свободы в случае неуплаты штрафа, назначенного за коррупционные преступления в качестве основного наказания может стать эффективным средством повышения собираемости штрафов. Напомним, что по статистике на сегодняшний день наказания в виде лишения свободы за коррупционные преступления в социальной сфере назначаются условно, что также не стимулирует ни потенциального коррупционера к законопослушному поведению, ни приговоренного за совершение данных преступлений к уплате штрафа, назначенного, чаще всего, в таких случаях в виде дополнительного наказания. На наш взгляд, если систематическое применение лишения свободы в качестве уголовного наказания за коррупционные преступления не является желательным – по различным, в том числе и экономическим, причинам – то угроза систематической замены неисполненного – и наиболее популярного на сегодняшний день наказания за данные преступления – штрафа, может стать действенным средством в борьбе с «несобираемостью» последних.

Стоит также задуматься и о возможности отмены освобождения от отбывания наказания в связи с ис-

течением сроков давности обвинительного приговора суда (ст. 83 УК РФ) в отношении коррупционных преступлений. Иначе говоря, следует обсудить возможность внесения изменений в п. 4 ст. 83 УК РФ посредством его дополнения коррупционными составами, что также понизит чувство ненаказуемости у потенциального коррупционера, т.е. повысит условия неотвратимости наказаний за коррупционные преступления в целом.

Кроме того, в науке [11] уже обращалось внимание и на негативное влияние на собираемость штрафов за коррупционные преступления, законодательно закрепленной возможности приостановления исполнительного производства при, например, лечении должника в стационаре. Как следствие, соответствующие изменения нормативно-правового материала, направленные на внесение изменений в условия приостановления исполнительного производства, также могут стимулировать осужденных к исполнению наказаний в виде штрафа.

Понижение размера штрафов, на наш взгляд, не является средством, которое поможет стимулировать собираемость штрафов с коррупционеров и более того может стать отрицательным коррупциогенным фактором. Напомним, что зарубежное уголовное право свидетельствует о том, что собираемость штрафов не связана с их размером, так как налагаемые в зарубежных государствах штрафы также высоки и в отдельных случаях превышают обще годовой доход осужденного в несколько раз. Более того, на настоящий момент совершенствование практики назначения наказаний за коррупционные преступления в виде штрафа идет, напротив, по пути его ужесточения посредством установления нижнего предела размера штрафа, что вполне логично в связи с катастрофической ситуацией сложившейся с коррупцией в России. Так, Верховный Суд Российской Федерации в одном из своих недавних постановлений пошел именно по пути увеличения нижней планки размера штрафа за коррупционные преступления. Действительно, Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (п. 3) гласит, что «размер штрафа, исчисляемый исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа, взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов, не может быть менее двадцати пяти тысяч рублей, *даже если сумма, рассчитанная с учетом кратной величины, меньше двадцати пяти тысяч рублей*» (выделено нами).

Таким образом, практика применения штрафов идет по разнонаправленным путям. С одной стороны, законодатель сократил высокие размеры штрафов в связи с их неэффективностью. С другой стороны, Пленум Верховного суда РФ в одном из своих последних постановлений пошел по пути увеличения нижней планки размера штрафов. Последнее решение в перспективе отразится в первую очередь именно на осужденных к штрафу работников социальной сферы, так как до последнего времени на практике именно в отношении последних применялись наиболее низкие штрафы ввиду незначительности взяток в социальной сфере. В целом, если данное предположение в перспективе подтвердится на практике, то повышение штрафов в отношении работников социальной сферы станет неизбежным, что, в свою очередь, может позитивно сказаться на состоянии коррупции в социальной сфере.

Стоит также отметить, что, на наш взгляд, не только понижение размеров штрафов не станет фактором улучшения собираемости штрафов, но и изменение в расчетах штрафов на основе их кратности сумме коррупционных действий также не принесет желаемых результатов. Действительно, в отличие от отдельных российских ученых [12], мы уверены, что между техникой расчета размера штрафа, с одной стороны, и уровнем преступности, а также собираемостью штрафов не существует прямой зависимости.

Применение некогда наиболее популярного вида наказания за коррупционные преступления – лишение свободы, как мы отметили, сегодня занимает второстепенное значение. Более того, эффективность данного вида наказания невысока, даже не столько в связи с его ограниченным применением – в сравнении с применением штрафов к осужденным по данной категории преступлений лиц – сколько в связи с его чрезмерным применением в виде условного наказания. Последнее на наш взгляд не имеет серьезного профилактического эффекта, так как чаще всего осужденные к условному сроку воспринимают его как освобождение от ответственности, даже несмотря на тот факт, что на практике применение данного наказания, чаще всего, осуществляется в виде дополнительного, т.е. сопровождается применением к осужденному за коррупционные преступления и других видов наказаний (чаще всего штрафа).

Чрезмерное применение условных наказаний в отношении осужденных по коррупционным составам УК РФ, на наш взгляд, не соответствует, категории коррупционных преступлений, которые – как минимум с социально-политической точки зрения – носят тяжкий характер в виду широкого социально-поли-

тического резонанса, который им приписывается как представителями политических кругов, так и общества в целом. В данном ключе не можем не согласиться с утверждением о том, что «условное осуждение ... применять ... следует лишь к узкому кругу лиц, чьи преступления не относятся к разряду тяжких» [13] с уголовно-правовой точки зрения: условное наказание следует применять лишь к тем осужденным, преступления которых не относятся к тяжким и с социально-политической точки зрения.

Конечно же, не все коррупционные составы сугубо юридической, уголовно-правовой точки зрения относятся к тяжким преступлениям (ст. 15 УК РФ). Более того, это наиболее характерно именно в отношении коррупционеров социальной сферы, где размеры взяток невысоки, а их деяния практически не когда не квалифицируются по коррупционным составам в особо крупном размере. В тоже время, если принять во внимание один из критериев определения категории преступления, а именно – характер общественной опасности, то в связи с размахом коррупции в современном российском государстве мы можем в целом отнести коррупционные преступления к категории тяжких. Как следствие, такое обильное применение условного наказания к лишению свободы в рамках коррупционных процессов вызывает, на наш взгляд, обоснованную критику в научных кругах [14] и объясняет низкую эффективность современной уголовной антикоррупционной политики. Более того, критично стоит отнести и к применению условного лишения свободы к коррупционным составам УК РФ, которые в соответствии с уголовным законом в принципе относятся к тяжким с сугубо юридической точки зрения. Так, например, в соответствии с статистическими данными Верховного суда Российской Федерации существуют случаи когда суды общей юрисдикции применяют условное лишение свободы даже в отношении осужденных по составу ч. 5 ст. 291 (дача взятки в особо крупном размере), который в принципе в соответствии с критериями ст. 15 УК РФ относит деяния, наказуемые в рамках данного состава УК РФ, к категории тяжких и даже особо тяжких. Такой подход судов общей юрисдикции к применению наказания в виде условного осуждения к лишению свободы к данной категории преступлений является неприемлемым на наш взгляд и требует вмешательства Верховного суда РФ в том числе посредством внесения соответствующих уточнений – в виде разъяснений об ограничении применения условного лишения свободы по коррупционным составам УК РФ – в Постановление Пленума от 9 июля 2013 г. № 24 г. «О судебной практике по делам о взятчн-

честве и об иных коррупционных преступлениях». Таким образом, совершенствование практики назначения наказаний за коррупционные преступления должно идти по пути отказа от применения к осужденным коррупционерам (в том числе и социальной сферы) условного лишения свободы.

Несмотря на довольно интенсивное применение лишения права занимать должности, связанные с выполнением властных, организационно-распорядительных функций в качестве наказания за коррупционные преступления, его применение к коррупционерам социальной сферы считаем неэффективным и даже контрпродуктивным. Действительно, кадровый состав работников социальной сферы значительно разнится в сравнении с кадровым составом, например, сотрудников правоохранительных органов. Так, функции врача в медицинском учреждении, а также преподавателя в учебном заведении предполагают прохождение сложной предварительной профессиональной подготовки заключающейся в необходимости обязательного получения высшего образования, а также послевузовского получения практических знаний и навыков (интернатура). Иначе говоря, подготовка таких специалистов является многолетним и дорогостоящим как для государства, так и для самих сотрудников социальной сферы, процессом, а систематическое применение в качестве наказания за коррупционные преступления в социальной сфере лишения права занимать должности (врача, преподавателя) приведет к неэффективному и экономически невыгодному расходованию средств на подготовку специалистов социальной сферы.

В тоже время, не лишение права занимать должности (врача, преподавателя), а лишь запрет на выполнение отдельных действий и функций в рамках данных должностей может оказаться довольно эффективным средством позволяющим, с одной стороны, воспользоваться знаниями и навыками специалиста в социальной сфере, а, с другой стороны, избежать повторных коррупционных действий за которые он были признаны виновными. Конкретно, речь может идти о следующих примерах. Так, например, в качестве наказания врачу уличенному в таком довольно распространённом коррупционном поведении как необоснованное предоставление пациенту больничного листа может быть применен запрет на осуществление именно данной, конкретной функции – выдачи больничного листа. Аналогичным образом, преподавателю уличенному в таком распространённом коррупционном действии в сфере образования как получение взятки

за прием вступительного экзамена в университете может быть применена санкция в виде запрета на прием данных экзаменов.

Данный, более гибкий, дифференцированный подход к применению такой санкции за коррупционные преступления как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью позволит увеличить возможность использования этих санкций с количественной точки зрения, предотвратит совершение аналогичного правонарушения этим же лицом, не препятствуя ему в тоже время осуществлять его профессиональные функции; не подрывая, таким образом, деятельность учреждений социальной сферы. Действительно, при таком подходе к применению данной санкции – который уже был взят на вооружение отдельными судами общей юрисдикции в отношении работников сферы здравоохранения – ее можно будет применять в качестве дополнительного наказания к лицам осужденным по категории коррупционных дел систематически. Более того, такой подход не требует на наш взгляд участия законодателя, так как формулировки ст. 47 УК РФ не препятствуют возможности ограничения на осуществление лишь только определенных функций и действий, а запрет занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в целом. Наш взгляд, достаточно лишь внести незначительные изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», где на настоящий момент применение данной санкции распространяется на «вид деятельности», а не на выполнение определенных действий или функций.

Стоит отметить, что применение такого вида наказания как лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград в отношении представителей социальной сферы является малоэффективным средством. Действительно, будучи по природе своей гражданскими служащими, работники сферы здравоохранения и образования – в отличие, например, от работников правоохранительных органов – редко наделяются специальными, воинскими или почетными званиями, классными чинами и государственными наградами. Стоит отметить, что в процессе анализа судебной практики по делам коррупционной направленности, в которых к осужденным коррупционерам была применена данная мера наказания, из общего числа дел в которых она была применена в 2014 г. мы не обнаружили ни одного из них в котором она была бы применена в отношении коррупционеров социальной сферы.

Более того, данная мера наказания в целом малоэффективна – что требует по словам отдельных исследователей совершенствования ее применения [15] – так как наличие специального или почетного звания, например, не представляет для его обладателя лишения правового блага в денежном выражении. Как следствие, его потеря не представляет для правообладателя специального или почетного звания каких-либо серьезных последствий, так как характер лишаемых правовых благ, чаще всего, не принимает выражения в денежной форме. Таким образом, эффективность применения данного вида наказаний в отношении коррупционеров – тем более социальной сферы – является на наш взгляд ограниченной и малоэффективной.

Наконец, стоит обратить внимание и на такую меру уголовно-правового воздействия за коррупционные преступления как конфискация имущества [16], которая – к сожалению – применяется на сегодняшний день лишь в отдельных коррупционных составах. Напомним что в соответствии со ст. 104 УК РФ конфискация имущества сегодня применяется лишь в отношении отдельных составов коммерческого подкупа (пп. 3 и 4, ст. 204 УК РФ), а также в отношении осужденных за получение взятки (ст. 290 УК РФ), и может быть обращена лишь в отношении денег, ценностей и иного имущества, ..., полученных в результате совершения ... преступлений», что – как свидетельствует статистика – существенно ограничивает применение данного вида санкций за коррупционные преступления. В тоже время, в соответствии со статистикой, наибольшее применение конфискация получила в отношении осужденных по коррупционному составу, предусмотренному ч. 3 ст. 291 УК РФ (Дача взятки).

Интерес данного вида наказания и его эффективность в отношении коррупционных преступлений проявляется в том, что в отличие от штрафа «имущество ..., переданное осужденным другому лицу (организации), подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий» (ч. 3 ст. 104.1 УК РФ). Как следствие, данный вид наказания позволяет взыскать имущество не только с осужденного лица, но и – чаще всего – с его родственников, которые используются последним для отмывания незаконно нажитых средств в рамках коррупционной деятельности. Как следствие, обширное использование данного вида наказания за коррупционные преступления позволит воспрепятствовать реализации распространённых сегодня схем легализации незаконно нажитых средств с помощью

коррупционной деятельности и повысит эффективность уголовной антикоррупционной политики.

Действительно, введение таких антикоррупционных мер как необходимость представления сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера привела коррупционеров к необходимости развития практики легализации незаконно добытых коррупционным путем средств посредством их передачи ближайшим родственникам. В свою очередь, возможность взыскания легализованных таким образом средств путем применения в их отношении конфискации позволяет восполнить пробелы неэффективности взыскания штрафов (см. выше) когда осужденный находится не в состоянии выплатить их. То есть конфискация, применяемая в качестве дополнительного наказания, может стать прекрасным средством повышения эффективности штрафа, применяемого в качестве основного наказания за коррупционные преступления.

Конечно же основной проблемой данной меры уголовного-правового воздействия является сложность доказывания связи имущества подлежащего конфискации с преступным деянием, что может также является фактором ограничивающим использование данной меры наказания. В тоже время, принимая во внимание неэффективность использования штрафов в качестве наказания за коррупционные преступления, развитие применения конфискации в качестве наказания за данные виды преступлений даже в отсутствии законодательных изменений может стать серьёзным подспорьем в совершенствовании практики назначения наказаний за данные преступления и серьёзным средством борьбы с коррупционными преступлениями.

Итак, основной проблемой назначения наказаний за коррупционные преступления в социальной сфере – как и назначения наказаний за коррупционные преступления в целом – стала проблема их неотвратимости вызванная неэффективностью налагаемых санкций и проблемами в исполнении наказаний, а также обильным применением условных форм наказания (в частности условного лишения свободы). Совершенствование практики назначения наказаний за коррупционные преступления может быть осуществлено и в отсутствие необходимости вмешательства законодателя, а основная ответственность в данном деле должна лечь, на наш взгляд, на плечи Верховного суда РФ, которому надлежит дать соответствующие разъяснения судам общей юрисдикции.

Основными направлениями совершенствования практики назначения наказаний за коррупционные преступления в социальной сфере должны

статья: сокращение использования в качестве наказания лишения свободы условно, что, в свою очередь, не означает систематического применения в качестве наказаний по данной категории дел реальных сроков; стоит рассмотреть пути совершенствования в использовании такого вида дополнительного наказания по данной категории

дел как конфискация; наконец, к систематическому использованию в отношении коррупционеров социального сектора такого наказания как лишение права занимать должности, связанные с выполнением властных, организационно-распорядительных функций должен быть использован более гибкий и дифференцированный подход.

Библиография:

1. Сичинава И.М. Уголовно-правовые меры противодействия коррупционным преступлениям: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 174.
2. Андреева Л.А. Проблемы совершенствования уголовных наказаний за коррупционные преступления // Вопросы современной юриспруденции. – 2014. – № 33. – С. 18.
3. Козлова Н. Бастрыкин просит вернуть радикальные меры против коррупции // Российская газета. – 2014. – 24 ноября
4. Бугаевская Н.В. Назначение наказания в виде штрафа, кратного сумме взятки, как отражение антикоррупционной политики в новых финансово-экономических условиях // Известия тульского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 43.
5. Козловцев А.А. Причины и условия коррупции (по материалам Ставропольского края) // Проблемы организации и осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции. – М., 2009. – С. 111
6. <http://www.korupcii.net/index.php?s=4&id=70>
7. R. N. Ghosh, M. A. B. Siddique. Corruption, Good Governance and Economic Development: Contemporary Analysis and Case Studies. – World Scientific. – 2014. – 284 p.
8. Павлинов А.В. Мониторинг эффективности применения уголовного наказания за преступления коррупционной направленности // Уголовное право. – 2011. – № 3. – С. 111.
9. Бугаевская Н.В. Назначение наказания в виде штрафа, кратного сумме взятки, как отражение антикоррупционной политики в новых финансово-экономических условиях // Известия тульского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 43.
10. Латыпов Р. Рассмотрение уголовных дел коррупционной направленности, по которым применялась мера наказания в виде штрафа // Законность. – 2013. – № 5. – С. 34.
11. Бурлаков В.Н., Пряхина Н.И. Эффективность наказания за взяточничество // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 1. – С. 92.
12. Бугаевская Н.В. Назначение наказания в виде штрафа, кратного сумме взятки, как отражение антикоррупционной политики в новых финансово-экономических условиях // Известия тульского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 47.
13. Ханипова Р. Ш. Теория и практика применения условного осуждения // Вестник ТИСБИ. – 2004. – № 4. – С. 19.
14. Скобликов П. Коррупция и ее условное осуждение // Юрист. – 2003. – № 33. – С. 5.
15. Мосиенко В.П. Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград как вид наказания в российском уголовном праве: Уголовный и уголовно-исполнительный аспекты: Дис...канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 165.
16. Мельников М.Г. Конфискация имущества как мера уголовно-правового обременения: правовая природа и законодательная регламентация // Общество и право. – 2010. – № 4 (31). – С. 44.
17. М.В. Костеников К вопросу о противодействии коррупции в полиции // Административное и муниципальное право. – 2013. – 1. – С. 49 – 50. DOI: 10.7256/1999-2807.2013.01.9.

References (transliterated):

1. Sichinava I.M. Ugolovno-pravovye mery protivodeistviya korruptsionnym prestupleniyam: Dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 2006. – S. 174.
2. Andreeva L.A. Problemy sovershenstvovaniya ugovolnykh nakazanii za korruptsionnye prestupleniya // Voprosy sovremennoy yurisprudentsii. – 2014. – № 33. – S. 18.
3. Kozlova N. Bastyrykin prosit vernut' radikal'nye mery protiv korruptsii // Rossiiskaya gazeta. – 2014. – 24 noyabrya
4. Bugaevskaya N.V. Naznachenie nakazaniya v vide shtrafa, kratnogo summe vzyatki, kak otrazhenie antikorrupcionnoy politiki v novykh finansovo-ekonomicheskikh usloviyakh // Izvestiya tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 2. – S. 43.
5. Kozlovtssev A.A. Prichiny i usloviya korruptsii (po materialam Stavropol'skogo kraya) // Problemy organizatsii i osushchestvleniya prokurorskogo nadzora za ispolnieniem zakonodatel'stva o protivodeistvii korruptsii. – M., 2009. – S. 111
6. R. N. Ghosh, M. A. B. Siddique. Corruption, Good Governance and Economic Development: Contemporary Analysis and Case Studies. – World Scientific. – 2014. – 284 p.

7. Pavlinov A.V. Monitoring effektivnosti primeneniya ugovolnogo nakazaniya za prestupleniya korrupsionnoi napravlenosti // *Ugolovnoe pravo*. – 2011. – № 3. – С. 111.
8. Bugaevskaya N.V. Naznachenie nakazaniya v vide shtrafa, kratnogo summe vzyatki, kak otrazhenie antikorrupsionnoi politiki v novykh finansovo-ekonomicheskikh usloviyakh // *Izvestiya tul'skogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2014. – № 2. – С. 43.
9. Latypov R. Rassmotrenie ugovolnykh del korrupsionnoi napravlenosti, po kotorym primenyalas' mera nakazaniya v vide shtrafa // *Zakonnost'*. – 2013. – № 5. – С. 34.
10. Burlakov V.N., Pryakhina N.I. Effektivnost' nakazaniya za vzyatochnichestvo // *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. – 2013. – № 1. – С. 92.
11. Bugaevskaya N.V. Naznachenie nakazaniya v vide shtrafa, kratnogo summe vzyatki, kak otrazhenie antikorrupsionnoi politiki v novykh finansovo-ekonomicheskikh usloviyakh // *Izvestiya tul'skogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2014. – № 2. – С. 47.
12. Khanipova R. Sh. Teoriya i praktika primeneniya uslovnogo osuzhdeniya // *Vestnik TISBI*. – 2004. – № 4. – С. 19.
13. Skoblikov P. Korrupsiya i ee uslovnoe osuzhdenie // *Yurist*. – 2003. – № 33. – С. 5.
14. Mosienko V.P. Lishenie spetsial'nogo, voinskogo ili pochetnogo zvaniya, klassnogo china i gosudarstvennykh nagrad kak vid nakazaniya v rossiiskom ugovolnom prave: Ugolovnyi i ugovolno-ispolnitel'nyi aspekty: Dis...kand. yurid. nauk. – Rostov-na-Donu. 2000. – С. 165.
15. Mel'nikov M.G. Konfiskatsiya imushchestva kak mera ugovolno-pravovogo obremeneniya: pravovaya priroda i zakonodatel'naya reglamentatsiya // *Obshchestvo i pravo*. – 2010. – № 4 (31). – С. 44.
16. M.V. Kostennikov K voprosu o protivodeistvii korrupsii v politsii // *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*. – 2013. – 1. – С. 49 – 50. DOI: 10.7256/1999-2807.2013.01.9.